

Н. Г. Пашкин

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ ВИЗАНТИЙСКОЙ АТАКИ НА ГАЛЛИПОЛИ 1410 г.

В исследовании предлагается версия, объясняющая причины нападения византийцев на турецкую крепость Галлиполи весной 1410 г. Цитадель, которая контролировала Дарданеллы, была тогда атакована эскадрой из восьми кораблей. Считается, что операция была безуспешной. Однако есть основания предполагать, что греки изначально не намеревались захватывать город. Доказательства следует искать в сфере международных отношений. На византийскую политику того времени оказывали влияние противоречия между Венецией и венгерским королем Сигизмундом Люксембургом (1387–1438) из-за Далмации. Интересы этих сторон тоже были связаны с Галлиполи, и вопрос о статусе крепости мог лишь обострить их отношения. Начинаясь конфликт был опасен для Византии. В этом конфликте усматривается роль турецкого фактора, который вновь повернулся против империи и не позволил ей сохранить мир с османами, заключенный в 1403 г. Реакцию византийского императора на кризис можно расценивать как попытку посредничества путем восстановления договора с турками при участии государств Запада. Главной проблемой на этом пути была позиция короля Сигизмунда, требовался контакт с ним. Весной 1410 г. византийские дипломаты вместе с папой подготовили условия для встречи венгерского посла в Италии. Однако желаемая реакция Сигизмунда последовала именно после византийской атаки на Галлиполи. Анализ фактов и хронологии позволяет сделать вывод, что военная операция была специально задумана для того, чтобы спровоцировать выход короля на переговоры. Они состоялись в Болонье в июне того же года.

Ключевые слова: Византия; Мануил II Палеолог; Сигизмунд Люксембург; Венгрия; Венеция; Генуя; Галлиполи; турки

Цитирование: *Пашкин Н. Г.* К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г. DOI 10.15826/adsv.2020.48.010 // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 156–171.

Поступила в редакцию 10.08.2020

Принята к печати 15.10.2020

Nikolai G. Pashkin

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

AIMS OF THE BYZANTINE ATTACK ON GALLIPOLI IN 1410

This research suggests an interpretation of the reasons behind the Byzantine attack on the Turkish fort of Gallipoli in spring 1410. The citadel that controlled Dardanelles was attacked by a squadron of eight ships. This operation is considered not successful. However, there are reasons to consider that initially Greeks did not plan to take the town. The search for the proofs should be in the sphere of international relations. In the period in question, the Byzantine policy was influenced by contradictions between Venice and Hungarian king Sigismund of Luxembourg concerning Dalmatia. Their interests were also connected with Gallipoli, so the question of the status of the fort could only aggravate their relations. The incipient conflict was dangerous for Byzantium. The Turkish factor was also important in this conflict: one more time, it turned against Byzantium and did not allow it to maintain the peace with the Ottomans concluded in 1403. The Byzantine emperor's reaction to the crisis can be considered as an attempt of meditation by renewal of the treaty with the Turks, with participation of Western states. The main problem was king Sigismund's position: a contact with him became necessary. In spring 1410, Byzantine diplomats along with the Pope prepared conditions for the meeting with the Hungarian ambassador in Italy. However, Sigismund's desirable reaction followed just after the Byzantine attack on Gallipoli. From the analysis of the facts and chronology, there are reasons to conclude that the military operation in question was planned specifically to provoke the king to negotiations, which took place in Bologna in June of the same year.

Keywords: Byzantium; Manuel II Palaiologos; Sigismund of Luxembourg; Hungary; Venice; Genoa; Gallipoli; Turks

For citation: Pashkin, N. G. (2020). К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г. [Aims of the Byzantine Attack on Gallipoli in 1410]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 48, 156–171. doi: 10.15826/adsv.2020.48.010

Submitted: 10.08.2020

Accepted: 15.10.2020

В драматичной истории османо-византийских отношений имеет место эпизод, оставивший единственный след в источниках и удостоенный исследователями лишь беглого упоминания. Весной 1410 г. крепость Галлиполи, сторожившая вход в Дарданеллы и к тому времени уже более полувека находившаяся под контролем турок, подверглась внезапной атаке византийских кораблей. Эскадра насчитывала восемь галер. Войдя в бухту, византийцы высадили десант, который сумел за-

хватить городское предместье и осадить цитадель. Однако овладеть ею не удалось. Через некоторое время осада прекратилась и город был тоже оставлен. Это все, что известно о той военной операции, которую можно считать отчаянной и неудачной попыткой поздней Византии вернуть крепость себе и получить серьезный инструмент в борьбе против турецкой угрозы¹. На первый взгляд, такой вывод подтверждается тем, что момент, выбранный для атаки, представляется благоприятным на фоне исторической ситуации. Держава османов переживала затяжной кризис. Следствием битвы при Анкаре 1402 г., в которой армия султана Баязида I (1389–1402) была разгромлена Тимуром (Тамерланом, 1370–1405), стал распад государства, после чего началась вражда между сыновьями бывшего правителя. В европейской части (Румелии) утвердился Сулейман I (1402–1411), в Азии – Мехмед. Кризис усугубился в 1409 г., когда на арену вышел их брат Муса, сначала вступивший в борьбу с первым из них. Византийская акция, таким образом, совпала с периодом резкого обострения турецкой внутридинастической междоусобицы. Легко предположить, что Византия могла воспользоваться этим: захват Галлиполи отдал бы ей ключи к проливам. Но достаточно раздвинуть рамки исторического контекста, и тогда за интересами других участников тех событий может обнаружиться совершенно иная версия их интерпретации.

Необычность ситуации заключается уже в том, что для ослабленного государства, каким была Византия, такого рода акция выглядит достаточно дерзкой. Несмотря на это, каким-то странным образом она осталась незамеченной для авторов поздневизантийских хроник, таких как Халкокондил и Дука. Единственным источником, который сообщает о ней, является донесение из Рагузы венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу (1387–1437), датированное 30 мая 1410 г.² Но и оно представляло собой информацию из третьих рук. В нем передавался доклад некоего капитана, чье судно заходило в гавань два дня назад. По его словам, 15 мая в албанском порту Влера³ он встретил валашского посла, который возвращался из Константинополя и рассказывал о произошедшем нападении греков на Галлиполи. На основании текста даже позволительно сделать вывод, что византийский император Мануил II Палеолог (1391–1425) не просто распорядился о проведении опера-

¹ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1908. S. 350; Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1982. S. 94–95; Kasritsis D. J. The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden ; Boston, 2007. P. 146.

² Diplomatarium relationum Reipublicae Ragusanae cum regno Hungariae / ed. J. Gelcich and L. Thalloszy. Budapest, 1887. P. 193–195.

³ Влера (греч. Авлона) принадлежала в то время венецианцам.

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

ции, но и непосредственно руководил ею⁴. Если действительно так, то отсутствие каких-либо сведений у византийских историков тем более вызывает вопросы. Еще на одну странность обратил внимание исследователь истории османов того периода Д. Кастрисис: что могло заставить посла валашского господаря Мирчи I (1386–1418) возвращаться с Босфора не обычной дорогой вдоль черноморского побережья, а таким долгим маршрутом⁵? Предлагаемая ниже версия, возможно, объяснит и этот факт.

Решение проблемы следует начинать с оценки того значения, которое приобрел Галлиполи после вышеупомянутой битвы при Анкаре. Известно, что статус города был закреплён в договоре, подписанном там же в начале 1403 г. Главными участниками коллективного соглашения стали византийский император, Венеция, Генуя, сербский князь Стефан Лазаревич (1389–1427) и старший сын Баязида I Сулейман⁶. Договор был основан на признании Сулеймана христианскими государствами главой династии, имеющим право считаться новым султаном. Другим принципом был союз его с императором Византии, в котором подчеркивался младший статус турецкого правителя. Наконец, сербский князь становился вассалом по отношению к ним обоим и включался в византийскую иерархию титулов в качестве деспота. Договор позволил стабилизировать позиции Османского государства в Европе, оказавшиеся под вопросом на фоне постигшей его катастрофы под Анкарой. Немалую роль в этом сыграло сохранение за ним крепости Галлиполи, хотя риск потери ее турками в тот момент оценивается достаточно высоко⁷. Правомерно предположить, что дело было не в отсутствии решимости христианских участников предстоящего соглашения лишить османов столь важной позиции. Вполне возможно, что здесь имел место сознательный расчет, в том числе и со стороны Византии.

При анализе договора 1403 г., как можно заметить, его христианских участников не связывали между собой союзные отношения. К тому же венецианцев и генуэзцев разделяла традиционная конкуренция на морских путях. С этой точки зрения важно оценить статус проливов, установившийся вследствие достигнутого соглашения. Сохранение

⁴ *Diplomatarium relationum Reipublicae Ragusanae...* P. 195: "...hodie vero ad hec littora navigans quidam brigantinus, qui die XXVIII. presentis de Avalona recesserat, nobis retulit ambassiatorem domini Mirchxe a partibus Constantinopolis in diebus XV. descendisse ad Valonam, narrantem Constantinopolitanum imperatorem Gallipoli cum fortiliis, dempta magistra turri, cepisse, eandemque circuisse per terram et galeis octo per mare, datisque induciis creditur nunc adeptam".

⁵ *Kastritsis D. J.* The Sons of Bayezid... P. 146.

⁶ *Dennis G.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88; *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara... S. 40–44.

⁷ *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara... S. 90–91.

Галлиполи во власти турок означало, что ключи к проливам оказывались одновременно у византийского императора и турецкого султана. Это исключало монопольный контроль над коммуникациями. Связанные взаимным соглашением, оба правителя выступали как нейтральная сила по отношению к морским республикам. Нейтралитет турецко-византийского альянса гарантировал такой же нейтралитет проливов, служивший, в свою очередь, гарантией султану от угрозы нападения из Азии другого представителя династии. Важно подчеркнуть, что гарантия могла сохранять свою силу лишь в условиях мира с Константинополем. Подобным же образом двойным вассалитетом устанавливался нейтралитет императора и султана к Сербии. Это укрепляло их договор и его характер. Выход из договора кого-то одного автоматически делал сербов союзниками другого. Таким образом, соглашение 1403 г. представляется попыткой создания системы взаимных гарантий, которые сдерживали противоречия между итальянскими республиками, изолировали друг от друга две части турецких владений, связывали султана с Константинополем. Напрашивается вывод, что Византия была главным бенефициаром подобной системы. Своим нейтралитетом она решала задачу сохранения мира с турками и делала проблематичным нарушение его другими. Захват Галлиполи в 1402–1403 гг. мог быть просто невыгодным ни ей, ни остальным субъектам, вступившим в договор.

Порядок, основанный на изложенных выше принципах, был уязвим в основном извне. В переговорах после битвы при Анкаре не участвовала Венгрия, чьи противоречия с турками также имели уже давнюю историю. Король Сигизмунд Люксембург был одним из предводителей крестоносцев в битве под Никополем, и закономерной с его стороны была попытка пересмотреть итоги заключенного в Галлиполи договора. Первым признаком стало провозглашение деспота Сербии Стефана Лазаревича вассалом венгерской короны уже в 1404 г.⁸ Впрочем, принципиально это еще ничего не меняло и даже могло быть результатом согласованного с Византией решения, включавшего короля в созданную договором 1403 г. систему отношений. Но далее требовалось, чтобы у Сигизмунда не было неурегулированных проблем с другими ее участниками. Между тем именно такая проблема постепенно назревала между королем и Венецианской республикой по поводу Далмации, хотя обе стороны старались избежать ее обострения. После 1381 г. по условиям Туринского мира титулярные права на эту область принадлежали венгерской короне, которая в 1387 г. оказалась

⁸ *Baum W.* Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient // *Europa in der Frühen Neuzeit* / Hrsg. von E. Donnert. Bd. 1 : Vormoderne. Weimar, 1997. S. 23.

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

у Сигизмунда. Для Венеции полоса западного побережья Адриатики всегда была сферой ее интересов, но на рубеже XIV–XV вв. причин для конфликта не было. Далматинскими городами номинально владел другой претендент на титул венгерского короля – правитель Неаполя Владислав (1386–1414), происходивший из Анжуйской династии. В реальности же под его протекторатом в Далмации правили боснийские магнаты. Венеция, долгое время игравшая на междинастических противоречиях Венгрии и Неаполя, обеспечивала себе их лояльность. Перемена произошла в 1407–1408 гг. Вторжения венгров и их союзников в Боснию фактически поставили ее под контроль короля Сигизмунда⁹. Восстановление прав Венгрии на Далмацию представлялось вопросом времени. Но прежде чем это произошло, вектор политики Сигизмунда неожиданно повернулся против турок.

В 1407 г. король предложил Венеции заключить союз против османов. У республики не было мотивов, чтобы нарушать мир с турками, и сенат отказал Сигизмунду. Однако уже в следующем году он выдвинул план, которым предусматривался захват Галлиполи, и для этой цели предполагалось предоставление Венецией восьми боевых кораблей¹⁰. Заслуживает внимания настойчивость Сигизмунда в его попытках договориться с венецианцами, но объяснить ее можно именно через проблему Далмации. Планируемый выход Венгрии к далматинским портам означал, что доступ к ним, скорее всего, смогут получить генуэзцы. По-другому в полной мере реализовать их потенциал при господстве венецианского флота на Адриатике было нельзя. Предлагая Венеции поход на Галлиполи, венгерский король одновременно рассматривал возможность такой экспедиции из гавани Килия в устье Дуная. Подобный проект был осуществим только в союзе с генуэзцами. Кроме того, он потребовал бы участия Византии. В случае захвата Галлиполи коалицией христианских государств наиболее приемлемым вариантом выглядело возвращение крепости византийскому императору, гарантирующему союзникам свободный доступ к проливам. Но это и разрушало суть договора 1403 г.: Константинополь тогда приобрел бы монопольный контроль над проливами и уже не являлся бы нейтральной стороной. Выход кого-либо из коалиции угрожал закрыть ему доступ к стратегическим коммуникациям. В том и раскрываются намерения венгерского короля: связав Венецию союзными обязательствами, он мог удержать ее от конфликта, который назревал из-за Далмации.

⁹ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum. Wien, 1990. S. 57.

¹⁰ *Beckmann G.* Der Kampf Kaiser Sigmunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen. Gotha, 1902. S. 11.

Против планов Сигизмунда республика св. Марка готовила свой сценарий. 9 июля 1409 г. она выкупила права на Далмацию у неаполитанского короля Владислава как у титулярного обладателя венгерской короны¹¹. Повод для конфликта был создан, но Венеция еще надеялась избежать его. За десять дней до ее сделки с Неаполем на Пизанском соборе состоялось избрание бывшего архиепископа Милана, уроженца венецианского Крита Петра Филарга новым папой под именем Александра V (1409–1410). Событие имело не рядовое значение, а было поворотным пунктом в истории Великой западной схизмы (1378–1417)¹². Латинская церковь давно пребывала в состоянии раскола. На момент избрания названного понтифика в Риме под протекторатом неаполитанского короля находился антипапа Григорий XII (1406–1415), а в Испании обосновался Бенедикт XIII (1394–1423). Таким образом, раскол усугубился, но вместе с этим активизировалась международная политика. В частности, Пизанский собор не был признан германским королем Рупрехтом (1400–1410), и новый папа поддержал права на императорскую корону династии Люксембургов, к которой принадлежал венгерский король Сигизмунд¹³. В его отношениях с Венецией понтифик мог теперь выступить посредником, и этот факт предопределил направление венецианской политики. Еще недавно республика сохраняла отношения с Григорием XII, когда договаривалась с его союзником Владиславом, но уже через несколько недель она признала «пизанского» папу Александра V¹⁴. Дальше выбор был за Сигизмундом. В случае перехода вслед за Венецией в новый церковный лагерь он был вправе рассчитывать от папы на признание в статусе венгерского короля и претендента на корону империи. Но это в свою очередь требовало от него самого соглашения с республикой св. Марка по Далмации. Сигизмунд не торопился с признанием, а между тем на Востоке обстановка менялась в неблагоприятную для него сторону. Именно осенью 1409 г. в турецкой державе началась новая фаза междоусобицы. На Балканах появился еще один представитель династии – Муса, тогда как Сулейман, воевавший с Мехмедом, оказался заперт в Анатолии. Внутриосманский конфликт явно нес на себе отпечаток кризиса, начавшегося в венгерско-венецианских отношениях¹⁵. Муса переправился в Европу

¹¹ *Wakouning M.* Dalmatien und Friaul... S. 66.

¹² *Girgensohn D.* Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409. doi: 10.11588/vuf.2007.0.17970 // *Vorträge und Forschungen*. 2007. Bd. 67 : Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449). S. 61–94.

¹³ *Göllner E.* König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413). Freiburg im Br., 1902. S. 66.

¹⁴ *Girgensohn D.* Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts. Göttingen, 1996. Bd. 1. S. 337–343.

¹⁵ Пашкин Н. Г. Османское «междоусобство» 1402–1413: международно-политический аспект. doi: 10.15826/adsv.2018.46.015 // *АДСВ*. 2018. Т. 46. С. 225–240.

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

из Синопа, оказавшись сначала в Валахии, где его принял господарь Мирча I¹⁶. Развязать с помощью Мусы войну с Сулейманом в Румелии было в интересах Мехмеда, с которым Венеция к тому времени наладила контакт. Венецианский консул появился при дворе турецкого правителя Азии вскоре после того, как начали проявляться амбиции Сигизмунда¹⁷. Последствия, спровоцированные Мусой, со всей очевидностью оборачивались против стратегических планов венгерского короля. В частности, враждебность Мусы по отношению к Константинополю заключала в себе угрозу его потенциальному союзнику. Таким союзником для Сигизмунда уже не мог быть и сербский деспот Стефан Лазаревич, которого новый турецкий лидер сначала привлек на свою сторону¹⁸.

Позиция, занятая Византией в этих условиях, дает основание считать, что своей реакцией на борьбу среди сыновей Баязида она фактически искала путь к соглашению между морской республикой и Венгерским королевством. В конце 1409 г. император Мануил II Палеолог направил послание к Венеции¹⁹. В нем он писал, что ради спасения империи необходимо воспользоваться ситуацией, сложившейся в Османском государстве. Говоря об этом, он указывал на конфликт двух турецких правителей. Имена их, однако, не назывались. Предлагаемый далее план заключался в блокаде проливов, и для выполнения задуманного рассматривалась возможность предоставления восьми венецианских галер, к которым император обещал присоединить два византийских корабля. Наконец, он сообщал, что в отсутствие поддержки будет вынужден искать мира с турками. Последнее выглядело как некая альтернатива военному решению. Однако в контексте рассматриваемых событий содержание документа позволяет усомниться в том, что в первой части послания автор подразумевал задачу разгрома турок.

Во-первых, византийский император говорил о противоречиях между двумя соперниками внутри турецкого лагеря, хотя фактически их было три после того, как против Сулеймана выступил Муса. Во-вторых, нетрудно заметить, что его план пересекался с более ранними намерениями Сигизмунда: король тоже просил Венецию о восьми галерах, и в Константинополе, как видно, знали об этом. Однако было существенное отличие между двумя проектами. Византия не предлагала захват Галлиполи. Все ограничивалось идеей закрытия проливов для турок, что означало изоляцию их владений в Европе от Азии. Итогом

¹⁶ *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid...* P. 130–131.

¹⁷ *Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches...* S. 347.

¹⁸ *Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid...* P. 124–125.

¹⁹ *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453. München, 1965. Bd. 5. № 3327; Kastritsis D. J. The Sons of Bayezid... P. 145; Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara... S. 94.*

тогда должен был стать очередной договор христиан с тем, кого они признали бы султаном в Адрианополе. Иначе говоря, если император действительно не подразумевал отвоевание у турок Галлиполи, то речь шла лишь о восстановлении базовых принципов соглашения 1403 г. Принимая во внимание, где в тот момент находился Сулейман, можно допустить, что идея с блокадой проливов намекала на возможность признания Мусы христианскими государствами. Ведь только он оказался бы тогда лидером османов на европейском континенте. Следовательно, под двумя сражающимися лицами из династии Баязида имелись в виду Сулейман и Мехмед. Дополнительным намеком на это служит еще одна деталь, зашифрованная дипломатическим языком. Император говорил об обоих неназванных лидерах как о правителях турок. Но в разговоре с Венецией подразумевать этот статус он должен был только за Сулейманом и Мехмедом. Из них Византия признавала султаном Сулеймана, тогда как Венеция, не отказывая в признании первому, которое было дано в 1403 г., к тому времени уже вступила в официальные отношения со вторым – с Мехмедом. Строго говоря, ни для Венеции, ни для Византии Муса не подпадал под определение одного из османских правителей и мог рассматриваться ими лишь как мятежный принц.

Таким образом, ни одно слово в императорском послании не было случайным. Похоже, в Византии рассматривали сценарий, который допускал утверждение на османском престоле Мусы по коллективному соглашению христианских государств. Кто будет править в Азии – Сулейман или Мехмед, принципиального значения не имело. Этот вопрос должен был решиться исходом борьбы между ними. Предлагаемый план действий в проливах способствовал бы прекращению междоусобицы в Румелии и возвращению к формуле прежнего договора 1403 г. Но предполагаемый договор с Мусой был допустим для Византии только с присоединением к нему вместе с Венецией венгерского короля. Иначе конфликт между ними продолжал бы блокировать все попытки Константинополя восстановить разрушенный баланс интересов, способный нейтрализовать турок. Поэтому императору требовалось согласие на свою инициативу не только от республики, но и от Сигизмунда. Каким способом предполагалось выйти на контакт с ним, будет сказано далее. Впрочем, без участия последнего Венеция и не могла дать императору требуемый ответ: в этом случае византийский план не представлял бы для нее интереса и, напротив, ей было выгодно противопоставление турок амбициям Венгрии. Византия же стремилась связать всех, как и раньше, коллективным договором. Важно подчеркнуть, что план императора был рассчитан на предварительное урегулирование венгерско-венецианских отношений. Только в этом случае были возможны присоединение к нему Венгрии и, как следствие, положительный ответ

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

Венеции. Император между тем предупреждал, что в отсутствие ответа на свои предложения он будет вынужден договариваться с турками в одностороннем порядке. Еще одна характерная деталь: правитель не случайно вновь умолчал о том, с кем из турецких лидеров он бы договорился. Но если в основе его замысла действительно лежал сценарий коллективного признания Мусы новым султаном турецкой Румелии, то без необходимой реакции на Западе, которая требовалась императору, этот план был неосуществим. Только согласованная позиция Византии, Венеции, Венгрии и маячившей за королем Генуи могла обеспечить переговоры с Мусой. Таким образом, автор давал понять, что в ином случае вступит в переговоры с кем-то из двух других турецких предводителей, – соответственно, с Сулейманом или Мехмедом. Это еще более подтверждает мысль о том, что именно их он подразумевал под неназванными правителями турок. Соглашение с одним из них Византия могла обратить уже против Мусы, не меняя суть своей стратегии. Восстановленный альянс с турками, независимый от Венеции и венгерского короля, позволил бы императору продолжить его политику посредничества между ними. Разделенный контроль над проливами и принцип нейтралитета были в ее основе.

Судя по той реакции, которая последовала из Венеции на предложения императора, там были готовы поддержать их. В январе 1410 г. республика ответила, что ее позиция должна быть согласованной с мнением других христианских государей и стран. Конечно, имелся в виду Сигизмунд. Иначе говоря, как и могли ожидать в Константинополе, Венеция связала свое согласие с решением, которое теперь должно было прийти от короля. Значит, предстояла процедура вызова его на переговоры через посредников. На Востоке это была Византия, а на Западе инструмент посредничества после Пизанского собора перешел к папе, и теперь для запуска переговоров требовался контакт между ним и Сигизмундом. Чтобы содействовать этому, Византия начала выходить на связь с новым понтификом одновременно с инициативой, обращенной к Венеции. В декабре 1409 г. император отправил поздравление со счастливым избранием папе Александру V и направил к нему дипломата Иоанна Хрисолору²⁰. Скорее всего, соответствующее послание в Венецию было доставлено им же. Результатом тонко рассчитанной дипломатической операции стала встреча в папской резиденции, находившейся в Болонье, Иоанна Хрисолоры со своим старшим родственником Мануилом в середине 1410 г. Последний уже давно находился в Западной Европе, и император в упомянутой поздравительной ноте рекомендо-

²⁰ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden... № 3326; Simonsfeld H. Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert // Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1893. Bd. 20. S. 45–46.

вал его папе для переговоров²¹. Цель переговоров не была заявлена, но анализ ситуации говорит о том, что она заключалась в посредничестве между Венецией и венгерским королем²². Связать византийского императора и римского понтифика для выполнения этой миссии могли переговоры о церковной унии. Сигизмунду же фактически предоставлялась возможность выступить с соответствующей инициативой, чтобы под этим предлогом вступить в контакт как с папой, которого он до сих пор не признал, так и с Византией. Тем самым открывался бы путь к переговорному процессу, дающему шанс для диалога короля с Венецией. Переговоры, уже проведенные между республикой и Византией в начале 1410 г., а затем появление византийского дипломата Иоанна Хрисолоры в Болонье были, очевидно, рассчитаны на ожидаемую реакцию Сигизмунда, но шло время, а ее не было. И именно в той атмосфере, когда решение венгерского короля выйти на встречу с посредниками было в состоянии остановить начинающийся кризис на Востоке, и происходит странное нападение византийцев на Галлиполи.

С точки зрения интерпретации приведенных выше фактов нападение выглядит бессмысленным. Для решения задач, стоявших тогда перед Византией, оно было скорее вредным. Захват крепости сделал бы невозможным восстановление договора 1403 г. в обновленном виде и, конечно же, грозил ужесточением венгерско-венецианского конфликта, который Византия пыталась урегулировать, так как он провоцировал выход турок из-под контроля. Не имея договора с турками, Константинополь не смог бы гарантировать свой нейтралитет западным государствам. Но операция, о которой идет речь, вызывает вопросы и к ее военно-техническому аспекту. Если шансы греков на победу были невелики по причине ограниченности ресурсов, то у них имелась возможность получить подкрепление. На азиатском берегу стояли отряды Сулеймана, который просил о предоставлении ему средств для переправы, но получил отказ. Тот же единственный источник сообщает об этом²³. Конечно, можно допустить, что император не хотел участия Сулеймана, чтобы в случае успешного завершения атаки крепость снова не досталась туркам. Но такое объяснение вызывает сомнения. Ведь отказав Сулейману,

²¹ Иоанн Хрисолора прибыл в Болонью в феврале 1410 г., а Мануил не раньше мая. Последний выехал из Константинополя еще в 1407 г. О его пребывании на Западе с этого времени и до визита к папе в 1410 г. см.: *Thorn-Wickert L. Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt/M., 2006. S. 73–81.*

²² Пашкин Н. Г. О византийской реакции на Пизанский собор 1409 г. doi: 10.15826/adv.2019.47.017 // АДСВ. 2019. Т. 47. С. 234–257.

²³ *Diplomatarium relationum Reipublicae Ragusanae... P. 195: Celopiam vero cum magno genicum apparatu ad littora declinasse, petentem ab imperatore et Januensis paregium, cui honesto modo denegatum fuit, et propter Crespie fratris molestias retrocessit.*

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

византийцы не только не увеличили свои шансы на успех, но и дали серьезный повод для наступления Мусы на Константинополь. Отбить его мог лишь Сулейман, и в результате всего через несколько недель необходимая помощь ему, наоборот, была оказана. На что же рассчитывал император, когда не смог взять цитадель своими силами, но и отказался от союза с Сулейманом, дающего возможность уже тогда не допустить похода Мусы на столицу?

Изучаемая проблема решается, если исходить из предположения, что захват Галлиполи и не был настоящей целью византийцев. Судя по источнику, события должны были происходить в конце апреля или в самом начале мая. Этот факт имеет принципиальное значение для выдвигаемой здесь версии. В течение примерно месяца информация могла дойти до венгерского короля, который тянул с решением о необходимости компромиссного договора с Венецией. В этом следует искать и объяснение тому, почему таким странным маршрутом следовал домой посол из Валахии, со слов которого, переданных капитаном проходящего судна, об истории вокруг Галлиполи узнали в Рагузе. Очевидно, посол специально держал курс через Венгрию, чтобы обо всем поведать Сигизмунду.

Мир между Сигизмундом и республикой св. Марка позволял урегулировать турецкую проблему так, как этого, скорее всего, и добивался византийский император. И первое, чего ждали в тот момент от короля, было вступление его в переговоры с папой через византийское посредничество. Пока шло время, угроза со стороны Мусы для Византии усиливалась, и на этом фоне действия, предпринятые византийцами в отношении Галлиполи, выглядят как демонстративная акция, имеющая целью вызвать, наконец, Сигизмунда на ответ. Хотя нападением руководил византийский император, рядом с ним прослеживается и какая-то роль генуэзцев, также упомянутых в источнике. О вовлеченности последних в стратегию короля уже было сказано. Но в таком случае первые же сведения о происходящем, которые должны были достигнуть Сигизмунда, скорее всего, произвели на него очень сложное впечатление. С одной стороны, все выглядело как реализация его собственного проекта. Такое предположение позволяло королю надеяться, что захват Галлиполи греками при участии генуэзцев открывает ему путь к желанному союзу с ними против турок, и Венеция теперь будет вынуждена присоединиться к образованному альянсу. Последнее решило бы в его пользу проблему Далмации. В то же время Сигизмунд, разумеется, знал о переговорах императора с республикой, состоявшихся несколько месяцев назад. Из-за отсутствия точной информации о событиях ему нельзя было исключать и то, что действия византийцев согласованы с Венецией, и союз между ними либо уже заключен, либо

появится в результате проводимой операции. Повод для таких размышлений мог дать один лишь вопрос о том, где византийский император нашел восемь кораблей, если совсем недавно он сам просил это количество у венецианцев, обещая со своей стороны выделить только два. Любое предположение должно было заставить короля немедленно прервать молчание и срочно выходить на переговоры. Именно этого ждали в Болонье папа и два византийских дипломата. В тот самый момент к первому послу из Константинополя присоединился его родственник Мануил Хрисолора. Сигизмунду словно давали еще один повод подумать, что готовятся переговоры, которые через папу, возможно, свяжут Византию союзом с Венецией, и проблема Галлиполи будет решаться без него. Ведь новость, переданная с Востока и сохранившаяся в источнике, не сообщала о провале военной операции. Она сообщала, что крепость окружена с моря и с суши, и стороны, вероятнее всего, заключили перемирие. Если эта информация соответствовала действительности, то еще раз подтверждается высказанное выше предположение о намерениях византийского императора. В случае успешного проведения подготовленных переговоров и достижения договоренности между Сигизмундом и Венецией все участники могли вступить в переговоры с Мусой и признать его новым султаном. Осада Галлиполи была бы снята в обмен на договор с ним. Реальный захват крепости византийцам был не нужен: это могло обеспокоить уже Венецию. Там, возможно, понимали настоящий смысл происходящего, так как неизвестно о какой-либо реакции республики на новости о произошедших событиях. Они явно были рассчитаны на реакцию венгерского короля.

Хронология событий подтверждает выдвинутую версию. Не позднее начала июня посланник от Сигизмунда выехал в Италию²⁴. Скорее всего, это произошло сразу, как только он получил первые известия об инциденте в районе проливов. Если валашский посол 15 мая проезжал Влеру, как зафиксировано в источнике, то он вполне мог быть в Венгрии через две-три недели. Таким образом, кроме нападения на Галлиполи, византийцы фактически провели еще одну операцию по донесению сведений до короля, воспользовавшись помощью господаря Валахии Мирчи I. Интерес последнего тоже можно объяснить. Мирча был союзником Мусы, а Византия в тот момент, согласно приведенным доводам, разрабатывала именно вариант признания нового османского принца правителем Румелии. Все упиралось в решение Сигизмунда. Наконец, объясняется и отсутствие информации о тех событиях в византийских хрониках. Трудно было писать о нападении на крепость, которое в действительности имело совсем другой смысл. А если согла-

²⁴ Beckmann G. Der Kampf Kaiser Sigmunds... S. 108–111.

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

ситься с тем, что акция была проведена лишь для создания информационного сигнала другой стороне, и принять во внимание, что сведения о ней в единственном источнике упираются в неофициальное сообщение валашского дипломата, который необязательно был очевидцем событий, то трудно оценить даже степень достоверности этих сведений. Появление у византийцев восьми боевых галер, действительно, трудно согласуется с недавней просьбой императора к Венеции.

Итак, если цель операции была в воздействии на позицию венгерского короля, то она была достигнута. В конце июня эмиссар Сигизмунда в присутствии византийцев, наконец, встретился с папой Иоанном XXIII (1410–1415), успевшим к тому времени сменить Александра V²⁵. Как теперь ясно, и папа, и византийцы выполняли функцию посредников, решавших задачу установления контакта короля с Венецией. Итоги и значение той встречи выходят за рамки исследуемой проблемы. Достаточно сказать, что сделанные выводы, возможно, помогают лучше разобраться и в этом событии. Но в завершение следует обратить внимание лишь на одну деталь. Затянувшаяся реакция венгерского короля, как видно, уже не оставила Византии выбора. Посол из Венгрии еще был на пути в Болонью, а армия Мусы уже начала угрожать Константинополю. Византия именно тогда приступила к активной помощи Сулейману, открыв ему путь через Босфор. Но на самом деле император лишь выполнил данное им обещание принять собственное решение по турецкой проблеме, если не дождется реакции с Запада. Во время операции в Дарданеллах греки потому и не пошли на сотрудничество с Сулейманом, что тогда еще оставалась надежда через коллективное признание Мусы связать соглашением Венецию и венгерскую корону. Это позволило бы реализовать первый вариант византийского плана. Предпринятая акция могла также сознательно спровоцировать Мусу на нападение, чтобы тем самым дать императору повод действовать, не дожидаясь решения латинских держав. Одним словом, она должна была разрешить для Византии ситуацию неопределенности либо по первому, либо по второму сценарию. Какой из них сработал, хорошо известно. 15 июня 1410 г. в предместье Константинополя состоялась битва двух турецких принцев, которая закончилась временным поражением и бегством Мусы²⁶. Но статус Галлиполи и тогда остался неизменным. Это еще раз заставляет предположить, что греки не собирались претендовать на него, и атака на крепость, все-таки вошедшая в военную историю поздней Византии, возможно, решала далеко не военные задачи.

²⁵ Пашкин Н. Г. О византийской реакции... С. 250–252; *Thorn-Wickert L.* Manuel Chrysoloras... S. 82–83; *Beckmann G.* Der Kampf Kaiser Sigmunds... S. 108–118.

²⁶ *Kastritsis D. J.* The Sons of Bayezid... P. 147; *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches... S. 350–351.

REFERENCES

- Baum, W. (1997). Europapolitik im Vorfeld der Frühen Neuzeit: König und Kaiser Sigismund vom Hause Luxemburg, Ungarn, Byzanz und der Orient. In E. Donnert (Ed.), *Europa in der Frühen Neuzeit* (Vol. 1, pp. 13–41). Weimar: Böhlau Verlag.
- Beckmann, G. (1902). *Der Kampf Kaiser Sigismunds gegen die werdende Weltmacht der Osmanen*. Gotha: Perthes.
- Dennis, G. (1967). The Byzantine-Turkish Treaty of 1403. *Orientalia Christiana Periodica*, 33, 72–88.
- Dölger, F. (1965). *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565 bis 1453* (Vol. 5). München; Berlin: C. H. Beck.
- Gelcich, J., & Thalloczy, L. (Eds.). (1887). *Diplomatarium relationum Reipublicae Ragusanae cum regno Hungariae*. Budapest: Tud. Akadémia.
- Girgensohn, D. (1996). *Kirche, Politik und adelige Regierung in der Republik Venedig zu Beginn des 15. Jahrhunderts* (Vols. 1–2). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Girgensohn, D. (2007). Von der konziliaren Theorie des späteren Mittelalters zur Praxis: Pisa 1409. *Vorträge und Forschungen*, Vol. 67: *Die Konzilien von Pisa (1409), Konstanz (1414–1418) und Basel (1431–1449)*, 61–94. doi: 10.11588/vuf.2007.0.17970
- Göller, E. (1902). *König Sigismunds Kirchenpolitik vom Tode Bonifaz' IX bis zur Berufung des Konstanzer Konzils (1404–1413)*. Freiburg im Br.: Charitas-Druckerei.
- Jorga, N. (1908). *Geschichte des Osmanischen Reiches* (Vol. 1). Gotha: Perthes.
- Kastritsis, D. J. (2007). *The Sons of Bayezid: Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston: Brill.
- Matschke, K.-P. (1982). *Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422*. Weimar: Böhlau Verlag.
- Pashkin, N. G. (2018). Osmanskoe “mezhdutsarstvie” 1402–1413 gg.: mezhdunarodno-politicheskii aspect [Ottoman “Interregnum” in 1402–1413: The International Aspect]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 46, 225–246. doi: 10.15826/adsv.2018.46.015
- Pashkin, N. G. (2019). O vizantiiskoi reaksii na Pizanskii sobor 1409 g. [On Byzantine Reaktion to the Council of Pisa in 1409]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 47, 234–257. doi: 10.15826/adsv.2019.47.017
- Simonsfeld, H. (1893). *Analekten zur Papst- und Konziliengeschichte im 14. und 15. Jahrhundert. Abhandlungen der historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften*, 20, 45–46.
- Thorn-Wickert, L. (2006). *Manuel Chrysoloras. Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance*. Frankfurt/M.: Lang.
- Wakounig, M. (1990). *Dalmatien und Friaul. Die Auseinandersetzungen zwischen Sigismund von Luxemburg und der Republik Venedig um die Vorherrschaft im adriatischen Raum*. Wien: VWGÖ.

К вопросу о цели византийской атаки на Галлиполи 1410 г.

Пашкин Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru

Pashkin, Nikolai Gennad'evich

PhD (History), Associate Professor
Ancient and Mediaeval History Department
Ural Federal University

51 Lenin Ave, Ekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: ngpaschkin@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0615-568X